

А.А. Потебня

**Из лекций по теории
словесности**

Басня. Пословица. Поговорка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.А. Потебня**
Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потебня – М.: Книга по Требованию, 2023. – 166 с.

ISBN 978-5-458-01102-0

ISBN 978-5-458-01102-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящія лекціи по теоріи словесности представляют небольшой частный курсъ. Издаются онѣ по единственному экземпляру записокъ одной изъ слушательницъ, съ небольшими поправками по черновымъ наброскамъ самого профессора. Предметомъ этихъ чтеній избранъ былъ вопросъ объ отношеніи поэтическихъ произведеній къ слову, а исходной точкой—разборъ сложнаго поэтическаго произведенія, басни. По содержанию, лекціи находятся, между прочимъ, въ связи съ послѣдними двумя главами соч. „Мысль и языкъ“, представляя также повѣрку и развитіе общихъ положеній В. Гумбольдта (Ueb. d. Verschied.) на основаніи избраннаго круга литературныхъ фактовъ: басни, пословицы, поговорки. Въ изложеніи, характеризующемъ вообще методу преподаванія А. А. Потебни, слѣдуетъ отмѣтить обиліе примѣровъ, предпосылаемыхъ общимъ выводамъ, отсутствіе апріорныхъ обобщеній, кажущіяся отступленія въ сторону („кстати“, „между прочимъ“), дающія широкую психологическую подкладку разбираемымъ явлениямъ, озаряющія ихъ яркимъ свѣтомъ глубокой мысли. Приспособленіе автора къ пониманію слушательницъ, выразившееся не только въ выборѣ и распредѣленіи

II.

матеріала, въ нисхожденіи отъ знакомаго, извѣстнаго къ менѣе извѣстному, незнакомому, но и въ самыхъ опредѣленіяхъ, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, важно въ педагогическомъ отношеніи.

Желая воспроизвести лекціи въ ихъ неприкосновенной цѣлости, со всѣми оттѣнками методологическихъ приѣмовъ автора, пришлось оставить многое, что, вѣроятно, было бы выпущено при изданіи имъ самимъ своихъ записокъ по теоріи поэзіи и прозы.

В. Сарцѣвъ.

Лекція 1-я.

Нѣсколько лекцій я намѣренъ посвятить вопросу объ отношеніи поэтическихъ произведеній къ слову.

Говорять, всѣ дороги ведутъ въ Римъ, но съ точки зрѣнія методической, для удобства преподаванія можно отдать предпочтеніе тому или другому пути. Я считаю болѣе удобнымъ начать не со слова, т. е. не съ разъясненія постоянныхъ его частей, а съ поэтическихъ произведеній. Изъ послѣднихъ я изберу такую форму, отъ которой, какъ мнѣ кажется, болѣе удобно ити въ разныя стороны: съ одной стороны — къ такимъ сложнымъ поэтическимъ произведеніямъ, какъ романъ и повѣсть; а съ другой — къ наиболѣе простымъ, которыя мы встрѣчаемъ въ каждомъ словѣ, въ извѣстномъ состояніи его развитія. Такою формою можетъ служить намъ басня.

Общее условіе практическихъ наблюденій заключается въ томъ, что-бы по возможности устранить все препятствующее наблюденію. Кромѣ вѣшнихъ условій, препятствующихъ наблюденію, о которыхъ здѣсь нѣтъ нужды говорить, есть внутреннія, зависящія отъ наблюдателя и отчасти совершенно неустранимыя, отчасти

такія, съ которыми мы можемъ до извѣстной степени бороться. Я имѣю въ виду здѣсь то, что можно назвать *предразсудкомъ*, готовымъ мнѣніемъ, которое невольно переносится нами въ наблюдаемый предметъ.

Въ обычномъ употребленіи слово *предразсудокъ* имѣетъ значеніе слишкомъ узкое. Предразсудкомъ называютъ, на примѣръ, вѣру въ то, что нехорошо вставать съ постели лѣвой ногой и т. п. Но существуютъ предразсудки и въ наукѣ, и при томъ не такіе только, которые могутъ быть разъ навсегда устранены, но и такіе, которые надвигаются постоянно, и устраненіе коихъ сопряжено съ каждымъ актомъ правильнаго наблюденія и обобщенія. Въ буквальномъ смыслѣ слова предразсудокъ есть то, что рѣшено нами прежде и что въ свое время было справедливо и законно, но что оказывается несправедливымъ при новомъ оборотѣ нашей мысли. Я объясню примѣромъ, что такое предразсудокъ науки. Положимъ, кто нибудь захотѣлъ бы изучать формы древеснаго листа, и съ этою цѣлью дѣлалъ бы наблюденія и обобщенія, выражая эти обобщенія въ рисункахъ. Такимъ образомъ, отвлекаясь отъ частнаго, оставляя все несходное въ сторонѣ, онъ получалъ бы типичныя изображенія дубоваго листа, или берестоваго (съ кривыми боками). Очевидно, что такія наблюденія и рисунки служили бы на пользу тѣмъ, которые вновь приступили бы къ изученію этого вопроса. Но если бы послѣдніе сочли единственнымъ источникомъ знанія эти обобщенія, то, очевидно, они лишились бы возможности всякаго развитія этого знанія.

Этот примѣръ можетъ показаться нелѣпымъ; можно подумать, врядъ ли такъ поступали въ наукѣ. Но въ естественныхъ наукахъ, напримѣръ, долгое время поступали именно такъ. Такое схематическое понятіе, такое обобщеніе составлено было о видахъ животныхъ и растений, и это было совершенно необходимо; но въ то же время это повлекло за собой то явленіе, что въ теченіе многихъ лѣтъ, до послѣднихъ десятилѣтій нашего вѣка, въ зоологіи и ботаникѣ виды считались постоянными: полагали, что между обобщеніями, сдѣланными человѣческой мыслью, которыя можно назвать понятіями (о волкѣ, лисицѣ, собакѣ и т. п.), въ самой дѣйствительности нѣтъ той связи, которой не было на бумагѣ, схематически, въ мысли. Уничтоженіе этого предразсудка, и вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе объ измѣнчивости видовъ, составляетъ крупное явленіе въ исторіи науки. \

Обстоятельство, на которое я указываю, — трагично: то, что необходимо для успѣховъ человѣческой мысли, является въ послѣдствіи помѣхой для дальнѣйшаго ея развитія.

Общее правило, которое всетаки недостаточно для устраненія такихъ предразсудковъ, состоитъ въ томъ, что мы должны разсматривать отвлеченія, какъ пособіе для нашей мысли; но не должны имъ подчиняться, не должны смотрѣть на нихъ, какъ на единственный источникъ нашихъ знаній.

Другой примѣръ предразсудка мы видимъ въ понятіи о словѣ. Обыкновенно мы разсматриваемъ слово

въ томъ видѣ, какъ оно является въ словаряхъ. Это все равно, какъ если бы мы разсматривали растеніе, какимъ оно является въ гербаріи, т. е. не такъ, какъ оно дѣйствительно живетъ, а какъ искусственно приготовлено для цѣлей познанія. Отсюда произошло то, что многія явленія языка понимались ошибочно. Тоже самое и съ поэтическими произведеніями.

Для того чтобы замѣтить, изъ чего состоитъ басня, нужно разсматривать ее не такъ, какъ она является на бумагѣ, въ сборникѣ басенъ, и даже не въ томъ видѣ, когда она изъ сборника переходитъ въ уста, причемъ самое появленіе ея недостаточно мотивировано, когда, напримѣръ, прочитываетъ ее актеръ, чтобы показать свое умѣнье декламировать; или, что бываетъ очень комично, когда она является въ устахъ ребенка, который важно выступаетъ и говоритъ: „Ужъ сколько разъ твердили міру, что лесъ гнусна, вредна.....“ Отрѣшенная отъ дѣйствительной жизни, басня можетъ оказаться совершеннымъ празднословіемъ. Но эта поэтическая форма является и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вещахъ вовсе нешуточныхъ—о судьбѣ чловѣка, чловѣческихъ обществъ, гдѣ не до шутокъ и не до празднословія.

Наблюдать такіе случаи въ дѣйствительности трудно, насколько трудно систематическое наблюденіе въ исторіи. Это не лабораторія, гдѣ можно предварительно приготовить, подвести до извѣстной степени явленіе. Эта трудность неустранима. Однако же есть приблизительно вѣрныя изображенія такихъ случаевъ

(вонечно такія, изображенія суть также отвлеченія), близкихъ къ дѣйствительности. Я имѣю въ виду здѣсь тѣ случаи, когда люди предлагаютъ эту поэтическую форму, не думая о томъ, что они предлагаютъ, когда она является мимоходомъ. Я намѣренъ привести весьма древній примѣръ (не скажу самый древній, — это было бы неправильно, потому что эта поэтическая форма является во времена, на столько древнія, насколько хватаетъ человѣческое изслѣдованіе до нашихъ дней). Въ книгѣ Судей Израильскихъ разсказывается слѣдующій случай:

„Пошла нѣкогда дерева помазать надъ собою царя, и сказали маслинѣ: царствуй надъ нами. Маслина сказала имъ: оставлю ли я тукъ мой, которымъ чествуютъ боговъ и людей, и пойду ли скитаться по деревьямъ? И сказали дерева смоковницѣ: иди ты, царствуй надъ нами.

„Смоковница сказала имъ: оставлю ли я сладость мою и хорошій плодъ мой, и пойду ли скитаться по деревьямъ?

„И сказали дерева виноградной лозѣ: иди ты царствуй надъ нами. Виноградная лоза сказала имъ: оставлю ли я сокъ мой, который веселитъ боговъ и человѣковъ, и пойду ли скитаться по деревьямъ? Наконецъ сказали всѣ дерева терновнику: иди ты, царствуй надъ нами. Терновникъ сказалъ деревьямъ: если вы по истинѣ поставяете меня царемъ надъ собою, то идите, покойтесь подъ тѣнью моею; если же нѣтъ, то выйдетъ огонь изъ терновника и пожжетъ кедры Ливанскіе“.

Это писалось по всей вѣроятности. тенденціозно, т. е. съ точки зрѣнія священника, который былъ противъ установленія царской власти въ родѣ Авимелеха. (Кн. Судей, Гл. IX, рѣчь Іоѳама). И такъ самъ Іоѳамъ призналъ наслѣдственную власть для Израильтянъ вредной. Обстоятельства, при которыхъ онъ разсказывалъ басню, неправдоподобны; невѣроятно, напр., чтобы онъ сталъ на гору, откуда говорилъ и былъ слышимъ всѣмъ народомъ.

Касаясь подробностей этой басни, я укажу на двѣ черты: во 1-хъ, то мѣсто, гдѣ говорится о виноградной лозѣ: („оставлю ли сокъ мой, который веселить боговъ и человѣковъ“..), въ монотеистической книгѣ является указаніемъ на то, что басня эта была распространена болѣе, чѣмъ самый еврейскій народъ; что она возникла не вмѣстѣ съ монотеизмомъ. Другая черта — что царскую власть принимаетъ самое негодное изъ растений, именно терновникъ.

Рѣчь, съ которою обращается онъ къ другимъ растеніямъ, есть иронія: какую тѣнь можетъ дать терновникъ, напр., масличному дереву?

Угроза тернового куста сжечь огнемъ непослушныхъ — черта традиціонная. Извѣстно, что въ древнихъ книгахъ Ветхаго Завета говорится о горящемъ терновомъ кустѣ, изъ котораго исходилъ голосъ Божій. Остается подъ сомнѣніемъ, изобрѣтена ли эта басня нарочно для событія. Я думаю — нѣтъ, я думаю — это была древняя форма; замѣтимъ только одно, что эта форма была, повидимому, неизбѣжной, напрашивалась

сама собою для разрѣшенія вопроса, имѣвшаго большую практическую важность. Такова и другая басня— во второй кн. Царствъ, гл. XII.

„Въ одномъ городѣ были два человѣка: одинъ богатый, а другой бѣдный.

У богатаго было очень много мелкаго и крупнаго скота, а у бѣднаго ничего, кромѣ одной овечки, которую онъ купилъ маленькой, и выкормилъ, и она выросла у него вмѣстѣ съ дѣтьми его; отъ хлѣба его она ѣла, и изъ его чаши пила, и на груди у него спала, и была для него, какъ дочь. И пришелъ къ богатому человѣку странникъ, и тотъ пожалѣлъ взять изъ своихъ овецъ или воловъ, чтобы приготовить обѣдъ для странника, который пришелъ къ нему, а взялъ овечку бѣдняка и приготовилъ ее для человѣка, который пришелъ къ нему.“

Эта басня не требуетъ никакихъ поясненій, и, мнѣ кажется, она не внушаетъ особеннаго сомнѣнія въ дѣйствительной возможности самаго случая. Можетъ быть, въ самомъ изложеніи его была какая-нибудь мелочь не такъ, какъ сдѣлалъ Наоанъ. Можетъ быть онъ сообщалъ Давиду о случаѣ злоупотребленія въ еще болѣе опредѣленной формѣ, напр. не сказалъ „въ одномъ городѣ,“ а *„тутъ, въ этомъ городѣ“* одинъ человѣкъ сдѣлалъ то-то и то-то.

Третій случай такого же характера: Въ Греческой колоніи Гимерѣ, въ Сициліи, около 560 года до Р. Х. жители этого города, для того чтобы отмстить сосѣдямъ, вручили власть надъ войскомъ Фаларису и,

кроме того, собирались разрешить этому Фаларису иметь постоянных телохранителей, или, по нашему, гвардию. Тогда некто Стезихарь рассказал им басню о спорте оленя с конем: У коня с оленем был спор: конь не мог одолеть оленя в быстроте. Тогда конь пришел к человеку и сказал: „сядь на меня и вложи удила в уста мои, и помоги мне догнать оленя“. Человек так и сделал. Но после того, как олень был победен, человек не захотел уже слезть с коня и вынуть удила из уст его. „Гимерцы“, сказал Стезихорь, окончив свой рассказ, „с вами, желающими отомстить врагам своим, будет то же, что и с конем“. *) Третья басня, как видите, имеет совершенно практический характер. Мне кажется, из этого третьего примера можно заключить, что мы имеем дело не с игрушкой, а с такою формой мысли, которая, удачно или нет (это зависит от многих условий), но во всяком случае рассматривается людьми, как необходимая форма их мысли, притом такая, которая должна сослужить им важную службу в обстоятельствах, когда не до шуток и празднословия.

До сих пор мы имели дело или с действительно историческими свидетельствами, или с такими, которые претендуют на значение исторических. Я думаю, о всех трех случаях можно сказать, что если не так действительно было, то в высшей степени вероятно, что так могло быть. Четвертый пример я

*) Arist., Rhet, 2,20.